

6. *Plokhoi, V.* (2017). Istorychni metamorfozy [Historical metamorphoses]. *Za Batkivshchynu*, № 1 (4335) (in Ukrainian).
7. *Kharuk, A.* (2004). Viiskovi prohramy Kharkivskoho aviazavodu (1926–1941 rr.) [Military programs of the Kharkiv Aircraft Plant (1926–1941)]. *Viiskovo-istorychnyi almanakh*, 2, 94–108 (in Ukrainian).
8. *Ves' Har'kov na 1926 g.:* spravochnaya kniga: 3-j god izdaniya [All of Kharkov in 1926: reference book: 3rd year of publication]. Kharkiv: Communist, 1926, 473–474 (in Russian).
9. *Za rulyem* [At the wheel], 1929. № 10, 20 (in Russian).
10. *Za rulyem* [At the wheel], 1930. № 10 (in Russian).

Received 04.02.2022

Accepted 18.02.2022

DOI: 10.15421/272209

UDC 57(09)

В. И. Оноприенко*, В. С. Савчук**

**Институт исследований научно-технического потенциала и истории науки
им. Г. М. Доброва НАН Украины, Киев, Украина*

**Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Днепр, Украина

КНИГА «РАЗВИТИЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ В СССР»: РЕФЛЕКСИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ Э. И. КОЛЧИНСКОГО

E-mail: valonopr@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0761-4075>

E-mail: varfolomey44@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6324-7567>

Аннотация. Продолжается обсуждение творческого наследия крупнейшего историка науки, биолога-эволюциониста Эдуарда Колчинского, ушедшего из жизни два года назад. Колчинский широко известен мировому сообществу историков науки и науковедов как выдающийся исследователь и организатор науки, 20 лет руководивший Санкт-Петербургским отделением Института истории естествознания и техники Российской академии наук, основавший рейтинговый журнал «Историко-биологические исследования». Доклады и публикации Колчинского всегда привлекали внимание всех, работающих в науке; проводившиеся им конференции были многолюдны и оживлённы. Он был открытым человеком, помогавшим ближним и дальним, щедро делился своим высоким интеллектуальным потенциалом, поддерживал и стимулировал молодых исследователей. Колчинский руководил крупными международными проектами, творческая энергия его была велика, он чутко улавливал новые тенденции развития науки и отзывался на них всегда оригинально и масштабно. Автор более тысячи научных и научно-популярных публикаций, нескольких десятков монографий, он воспитал плеяду учеников – признанных учёных, последователей, единомышленников. В публикации речь идет о весьма значимой коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР» [1983], которая буквально проделала брешь в заговоре молчания между властью и приспешниками Т. Д. Лысенко. Эта работа стала судьбоносной и в биографии Колчинского. *Целью статьи* является раскрытие непростого процесса объединения в целостный авторский коллектив биологов и историков биологии, освещение событий и обстоятельств, сопровождавших создание этого фундаментального труда, роли в этом процессе Э. И. Колчинского. *Основные результаты* заключаются в выяснении особенностей указанного процесса, влияния на него административных реалий общественного строя страны и ситуации, сложившейся в биологической науке СССР. *Оригинальность статьи* заключается в рассмотрении

малоизвестных организационно-научных аспектов создания столь важного научного издания как монография «Развитие эволюционной теории в СССР».

Ключевые слова: Колчинский, история науки, организация науки, учение об эволюции жизни, синтез эволюционных концепций, кризисы и реформы в науке.

В.І. Онопрієнко*, В.С. Савчук**

*Інститут досліджень науково-технічного потенціалу та історії науки

ім. Г.М. Доброва НАН України, Київ, Україна

**Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара, Дніпро, Україна

МОНОГРАФІЯ «РОЗВИТОК ЕВОЛЮЦІЙНОЇ ТЕОРІЇ В СРСР»: РЕФЛЕКСІЯ У СПОМИНАХ Є.І. КОЛЧИНСЬКОГО

Анотація. Триває обговорення творчої спадщини визначного історика науки, біолога-еволюціоніста Едуарда Колчинського, який пішов із життя два роки тому. Колчинський широко відомий світовому співтовариству істориків науки та наукознавців як видатний дослідник та організатор науки, який 20 років керував Санкт-Петербурзьким відділенням Інституту історії природознавства та техніки Російської академії наук, що заснував рейтинговий журнал «Історико-біологічні дослідження». Доповіді та публікації Колчинського завжди привертала увагу всіх, хто працює в науці; конференції, які він проводив, були багатолюдними і жвавими. Він був відкритою людиною, яка допомагала ближнім і далеким, щедро ділилася своїм високим інтелектуальним потенціалом, підтримувала та стимулювала молодих дослідників. Колчинський керував великими міжнародними проєктами, творча енергія його була великою, він чуйно вловлював нові тенденції розвитку науки та відгукувався на них завжди оригінально та масштабно. Автор понад тисячі наукових та науково-популярних публікацій, кількох десятків монографій, він виховав плеяду учнів – визнаних вчених, послідовників, однодумців. У публікації йдеться про значущу колективну монографію «Розвиток еволюційної теорії в СРСР» [1983], яка буквально здійснила пролом у змові мовчання між владою і поплічниками Т.Д. Лисенка. Ця робота стала доленосною в біографії Колчинського. *Метою статті* є розкриття непростого процесу об'єднання в цілісний авторський колектив біологів та істориків біології, висвітлення ускладнюючих подій та обставин, що супроводжували створення цієї фундаментальної праці, ролі в цьому процесі Е.І. Колчинського. *Основні результати* полягають у з'ясуванні особливостей зазначеного процесу, впливу на нього адміністративних реалій суспільного ладу країни та ситуації, що склалася в біологічній науці СРСР. *Оригінальність статті* полягає в розгляді маловідомих організаційно-наукових аспектів створення такого важливого наукового видання, як монографія «Розвиток еволюційної теорії в СРСР».

Ключові слова: Колчинський, історія науки, організація науки, вчення про еволюцію життя, синтез еволюційних концепцій, кризи та реформи в науці.

V.I. Onoprienko*, V.S. Savchuk**

**G. M. Dobrov Institute for Research of Scientific and Technical Potential and History of Science
National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine*

**Oles Honchar Dnipro National University, Dnipro, Ukraine

THE BOOK «DEVELOPMENT OF EVOLUTIONARY THEORY IN THE USSR»: REFLEXION IN THE MEMORIES OF E. I. KOLCHINSKY

Abstract. The discussion of the creative heritage of the largest historian of science, biologist-evolutionist Eduard Kolchinsky, who passed away two years ago, continues. Kolchinsky is widely known to the world community of science historians and scientists as an outstanding researcher and organizer of science, for 20 years he headed the St. Petersburg branch of the Institute of the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences and founded

the rating journal *Historical and Biological Research*. Kolchinsky's reports and publications have always attracted the attention of everyone working in science; his conferences were crowded and lively. He was an open person who helped near and far, generously shared his high intellectual potential, supported and stimulated young researchers. Kolchinsky led large international projects, his creative energy was great, he was sensitive to new trends in the development of science and always responded to them in an original and large-scale manner. Author of over a thousand scientific and popular science publications, several dozen monographs. He brought up a galaxy of students – recognized scientists, followers, like-minded people. This publication deals with a very significant collective monograph «The Development of the Evolutionary Theory in the USSR» [1983], which literally made a gap in the conspiracy of silence between the authorities and T.D. Lysenko. This work became fateful in the biography of Kolchinsky. *The purpose of the article* is to reveal the difficult process of combining biologists and historians of biology into a coherent group of authors, to highlight the complicating events and circumstances that accompanied the creation of this fundamental work, and the role of E.I. Kolchinsky in this process. *The main results* consist in elucidating the features of this process, the influence on it of the administrative realities of the social system of the country and the situation that has developed in the biological science of the USSR. Examples of reflection on the events that accompanied the creation of the aforementioned monograph, by E.I. Kolchinsky are given. *The originality of the article* lies in the consideration of little-known organizational and scientific aspects of the creation of such an important scientific publication as the monograph «Development of Evolutionary Theory in the USSR».

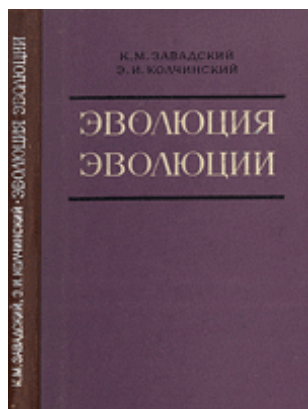
Keywords: Kolchinsky, history of science, organization of science, doctrine of the evolution of life, synthesis of evolutionary concepts, crises and reforms in science.

Введение. Одной из труднейших жизненных проблем для Э. И Колчинского стало утверждение его в профессии. В университете он учился хорошо с малыми затратами, даже получал именную стипендию, уделяя основное время ночному преферансу, который, по его мнению, существенно изощрил его рациональность, гораздо больше, чем философский факультет. На факультет он поступил, чтобы понять суть исторических процессов, но оказалось, что эта проблематика изучается на специальности «Научный коммунизм». Такие схемы познания исторической реальности не подходили ему в принципе. Над ним довлел усвоенный с детства стереотип, что человек должен заниматься главными делами в жизни: варить сталь, выращивать хлеб и т. д., и подменять это вымученными рассуждениями, лжемудрием – это измена самому себе. Приближаясь к диплому, он вообще решил бросить университет.

Ему повезло, он попал на подготовку диплома к известному методологу и биологу-эволюционисту профессору К.М. Завадскому, который преподавал и на философском факультете. Манера работы Завадского с дипломантами в постоянном диалоге очень привлекла Колчинского. Завадский провёл его к успешной защите диплома, соблазнил поступлением в аспирантуру. Тема «Эволюция эволюции» стала темой диплома, потом диссертации Колчинского и завершилась совместной монографией [4], выступив фирменным знаком его достижений в науке. Он навсегда увлёкся пополнением своих биологических знаний.

Методологические основы исследования. При написании статьи были использованы такие *методы исследования*, как персоналистический, нарративный, критического анализа, историко-генетический. С их помощью в статье реконструируется картина исследовательского и издательского процесса в советском обществе, включавшая многочисленные преграды, препоны и ловушки, которые приходилось преодолевать или обходить, но нередко это приводило просто к запрету издавать работу. В своих «Воспоминаниях» Колчинский ярко показывает и акцентирует внимание на изощрённых бюрократических процедурах и ухищрениях, которые загромаждали сам процесс исследовательского труда. Издательский же менеджмент заставлял следовать стихийно

сложившимся традициям и растрчивать колоссальные усилия на беспредметный ущербный труд. Стивен Брейн – адъюнкт-профессор истории Университета штата Миссисипи в своей рецензии на книгу воспоминаний Э.И. Колчинского отмечал, что «эти воспоминания должны быть обязательны к прочтению для любого изучающего советскую науку, но они принесут пользу и любому, кто интересуется социальной историей Советского Союза» [1].

Достаточно ярко упомянутые процессы проявились при подготовке коллективной монографии «Развитие эволюционной теории в СССР» [7], в издании которой Э.И. Колчинский сыграл несомненно важную роль. В статье, посвященной его памяти, Р.А. Фандо, акцентируя внимание на роли Колчинского в создании этой книги, отмечал: «Объединив вокруг себя известных биологов и историков науки, он на протяжении пяти лет составлял, а затем и редактировал фундаментальную коллективную монографию “Развитие эволюционной теории в СССР (1983)”» [2].

Эти и другие публикации, рассматривающие организационно-научную и научную деятельность Э.И. Колчинского, подчеркивая необходимость дальнейшего ее изучения и анализа, определили *цель данной публикации* – раскрыть непростой процесс объединения в целостный авторский коллектив биологов и историков биологии, осветить события и обстоятельства, сопровождавшие создание этого фундаментального труда, роль в процессе подготовки издания Э.И. Колчинского.

Результаты исследований и обсуждения. Центральное место в деятельности сектора эволюционной теории, в котором стал трудиться Колчинский, после смерти К.М. Завадского заняла работа над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР» [7]. Идея ее создания возникла еще в 1967 г. у К.М. Завадского и директора ИИЕТ С.Р. Микулинского. В течение нескольких лет она числилась в планах ЛО ИИЕТ и Ботанического института АН СССР, но реальная работа по сбору и редактированию материала началась только в 1978 г., заняв более пяти лет. Руководство этой работой было поручено Колчинскому. По его словам, тема прошла все классические стадии подобных коллективных монографий: сперва шумиха, потом неразбериха, затем поиск виновных, далее наказание невиновных и наконец – награждение непричастных. Буквально только к моменту сдачи книги в типографию удалось закрыть все лакуны и реализовать задуманный план в полном объеме.

Это была первая книга, в которой после долгого периода замалчивания тягостных последствий лысенкоизма постарались дать их оценку и вскрыть причиненный ими вред развитию не только генетики, но всей отечественной биологии. В ней впервые опубликованы фотографии многих репрессированных ученых. Пришлось координировать работу примерно 25 авторов разных возрастов, специальностей, стилей, тематических предпочтений. И это было нелегко. Учёные вообще трудно воспринимают установки со стороны. К тому же в создании книги наряду с историками биологии и философами участвовали маститые биологи-эволюционисты, включая создателей синтетической теории эволюции Г.Ф. Гаузе, В.С. Кирпичникова, Е.И. Лукина, Ю.И. Полянского и др., по сравнению с которыми Колчинский выглядел желторотым птенцом.

Умели отстаивать свои позиции и ученые более молодого поколения, например, эрудированный в эволюционной теории Л.Я. Боркин или совсем юный систематик С.Л. Сергиевский. Но все разногласия удалось преодолеть. Некоторые из строптивых авторов стали друзьями, другие – многолетними партнерами и коллегами Колчинского..

Фамилия С.Р. Микулинского как ответственного редактора будущей книги появилась лишь в качестве гарантии, что ИИЕТ АН СССР заинтересован в издании этой книги. При жизни Завадского Микулинский фактически не вмешивался в разработку структуры книги, и все вопросы Завадский обсуждал с Л.Я. Бляхером, с которым у него не было серьезных разногласий, и с Э.Н. Мирзояном, имевшим свои взгляды на

методологию и содержание будущей книги. В частности, Мирзоян выразил желание стать единолично ответственным за подготовку глав, посвященных развитию отдельных отраслей биологии. Завадский почему-то обижался и протестовал против подобного сепаратизма. Колчинскому же подобные притязания оказались на руку. Мирзоян взял на себя разделы, где он был специалистом, зато практически не вмешивался в замысел остальных частей. Он подготовил серию добротных глав по тематике морфологических закономерностей эволюции.

Микулинский соглашался на продолжение намеченной работы при условии, что вторым редактором будет авторитетный биолог, известный и как историк биологии. Это действительно было необходимо, чтобы нейтрализовать критические замечания, возражения и предложения, которые неизбежно возникали бы со стороны других членов редколлегии и авторов. Эта задача была в принципе невыполнима без Ю.И. Полянского.

С самого начала стало ясно, что структура монографии требует существенной доработки. Не хватало материала по развитию эволюционной биологии за рубежом. Пришлось этот раздел выкинуть, а вместо него включить главу об основных этапах развития эволюционной теории. При обсуждении с Микулинским раздела о философских проблемах эволюционной теории было решено сократить его, вставив описание борьбы с Лысенко в конкретные главы, где шло обсуждение тех же проблем. Впоследствии пришлось вообще вопрос о философии убрать, так как автор, взявшийся за написание раздела об истории дискуссий на тему «Марксизм и дарвинизм», представил слабый с историко-научной точки зрения текст. Колчинскому пришлось собрать материал и написать очерк, но потом стало ясно: с этой главой книга не выйдет, и он отложил публикацию до лучших времен. Но работа не прошла зря.

Работа с С.Р. Микулинским многое дала Колчинскому в плане понимания административных реалий коллективных монографий при социализме. Был составлен график представления статей, редактирования и сдачи в печать, согласно которому вся работа планировалась на 1978–1981 гг., но авторам предлагалось представить присать статьи не позже марта 1979 г. Полученные первые рукописи не вселяли оптимизма. Проблемы были одни и те же: историки науки плохо знали эволюционную теорию, а крупные биологи не имели навыка готовить исторические тексты. Почти половину запланированных авторов пришлось менять, а порой и по несколько раз.

Так произошло с главой об эволюции биосферы, которую должен был писать академик С.С. Шварц, но он умер в 1976 г. Колчинский решил привлечь к работе доктора биологических наук Михаила Михайловича Камшилова, научно-популярные книги которого «Биотический круговорот» и «Эволюция биосферы» были в центре внимания научной общественности. Камшилов дал согласие написать статью об эволюции биосферы, но внезапно тоже умер. Найти нового автора не удалось, и Колчинскому пришлось эту работу взять на себя. К тому времени он уже много читал об этом, собрал материал по эволюции экосистем. Глава получилась достаточно большая, около трех печатных листов, и встал вопрос, что дальше делать с собранным громадным массивом материала по биогеохимии, экологии, исторической геологии.

Колчинский попытался показать видообразование с преобразованием основных параметров биосферы и вывести интегральные показатели эволюции биосферы как целостной системы. Его книга «Эволюция биосферы» [3], по оценке специалистов в этой области, включая вице-президента АН СССР геолога А.Л. Яншина, содержала неординарные выводы.

Началась длительная работа: кому-то надо было рассказать, что такое историческая работа, другим переписать половину текста, третьих сократить, и притом так, чтобы не обиделись. Некоторые статьи пришлось редактировать несколько раз, постепенно придавая им исторический характер. В итоге получилась настоящая

коллективная монография, где в каждой главе проводилась единая концепция, а ее содержание определялось несколькими внутренними и внешними рецензированиями, обсуждениями на секторе. Особенно активно эту работу вели Э.И. Колчинский с Я.М. Галлом и А.Б. Георгиевский. Почти все главы прочитал также Д.В. Лебедев, внесший важную редакторскую правку; Зоя Михайловна Рубцова *de visu* проверила всю литературу, насчитывающую более 2 тысяч названий. Особо следует отметить заслуги Ю.И. Полянского, взявшего на себя ответственность за научную составляющую книги и внимательно прочитавшего каждую главу.

Оказалось немало биологов, склонных к истории и написавших прекрасные главы. Это прежде всего Л.Я. Боркин, И.А. Захаров, Л.З. Кайданов, Б.М. Медников, Ю.И. Чернов. С другими было сложнее, они не хотели «историзировать» работы, делая упор на современное состояние анализируемых проблем. Здесь приходилось действовать иногда хитростью, в максимальной степени усиливая историческую компоненту в изложении, а затем посылать авторам на согласование с сопроводительным письмом Полянского: «Я, мол, вынужден был сократить, исправить, отредактировать, вы уж не обессудьте». Многие, конечно, понимали, кто на самом деле столь бесцеремонно внес правку, но возражать Юрию Ивановичу считали неэтичным, и все кончалось благополучно. Случалось, что автор соглашался с правкой, а затем при корректуре вдруг заявлял, что видит её впервые. Это были особенно сложные случаи, но в конечном счете и их улаживали. Сложнее оказалось на заключительном этапе с С.Р. Микулинским и некоторыми членами редколлегии.

Микулинский внимательно следил за созданием книги. На III Всесоюзном заседании по философским вопросам естествознания, на котором присутствовала вся элита АН СССР во главе с президентом А.П. Александровым, Микулинский также был в президиуме. Он поймал Колчинского во время перерыва, увел за кулисы президиума и подробно стал расспрашивать о ходе работы. Беседа длилась около часа, пока академики рассказывали, как их открытия способствуют развитию философии марксизма.

С грехом пополам труд летом 1981 г. был завершён. Колчинский отвез его в Москву, где его обсудили на заседании сектора истории биологии. Учёный совет ИИЕТ рекомендовал книгу к печати, Микулинский добился её включения в план издательства. В течение нескольких месяцев Колчинский с редактором Ф.И. Кричевской занимались редподготовкой. И только когда на стадии корректуры Микулинский сел читать текст, у него появились вопросы, возражения и т.д. Он обнаружил некоторые политико-идеологические «изъяны»: обильно цитировались работы авторов, уехавших за границу во время последней волны эмиграции; был помещен портрет полуопального Н.В. Тимофеева-Ресовского; некоторые формулировки были не совсем корректными. К тому же в первой корректуре, как это часто бывает, встречались ошибки в датах, инициалах. Микулинский сказал, что не может в этих условиях быть ответственным редактором. Это означало, что книга никогда не выйдет. Нашёлся член редколлегии, который, узнав, что Микулинскому в книге что-то не нравится, заявил, что вообще книгу не видел, что через сектор истории биологии в Москве она якобы не проходила, они ее не рекомендовали в печать, что Колчинский всегда действовал самостоятельно, не слушал советов старших коллег и, кроме того, у него принципиальные разногласия с таким стилем работы, и поэтому он выходит из редколлегии.

К этому времени у Колчинского с Микулинским было что-то вроде конфликта по поводу Н.В. Тимофеева-Ресовского. Одна из глав книги, написанная Э.И. Колчинским с Я.М. Галлом под названием «Общая характеристика развития эволюционной теории в СССР», была сдана в журнал «Вопросы истории естествознания и техники». Возражения Микулинского вызвал раздел о работах Тимофеева-Ресовского, выполненных во время его пребывания в Германии, в том числе и во время войны. Конфликт стал искусственно раздувать один из членов редколлегии журнала, впоследствии сделавший из Н.В. Тимофеева-Ресовского чуть ли не героя антифашистского Сопротивления. Тогда же он говорил, что данная статья – это подлинная идеологическая диверсия.

Писать об эмигранте Тимофеев-Ресовском, работавшем на гитлеровскую Германию, как о советском генетике нельзя. Другие, напротив, настаивали нас не поддаваться требованиям Микулинского, быть принципиальными и не идти ни на какие уступки, советовали нам в знак протеста забрать статью.

Во время пребывания в Ленинграде в марте 1983 г. Микулинский вызвал Колчинского и в присутствии руководителя Ленинградского отделения ИИЕТа Э.П. Карпеева спросил, правда ли, что он демонстративно забрал статью из редакции. Я ответил: «Нет. Это неправда». Тогда он успокоился и стал объяснять Колчинскому неэтичность включения Тимофеева-Ресовского в число советских генетиков, так как во время войны он жил и работал в Третьем рейхе. Колчинский возразил, что Тимофеева-Ресовского никто не лишал советского гражданства. Напротив, именно его как предателя осудили после войны, значит, суд признал его советским гражданином. Конечно, в этих рассуждениях был элемент демагогии, но Микулинский уловил ход рассуждений. И мы договорились, что Тимофеев-Ресовский в тексте остается, только работы, выполненные им в Германии после того, как он отказался вернуться в СССР, будут перечислены среди иностранных наряду с работами другого невозвращенца Ф.Г. Добржанского.

Помимо члена редколлегии, заявившего о выходе из ее состава, были и другие, причастные к подготовке монографии, в том числе и те, кто рецензировал и редактировал ряд статей, но постаравшиеся отмежеваться, подчеркивая идейные разногласия с Колчинским как составителем монографии и осуждая его авторитарный стиль редподготовки.

Безоговорочную поддержку Колчинский получил в ЛО ИИЕТ только со стороны А.Б. Георгиевского, который прямо заявил Э.П. Карпееву, что считает книгу великолепной и готов всюду отстаивать это мнение, и Д.В. Лебедева. В спасении книги особенно велика роль Ю.И. Полянского, который максимально использовал свой авторитет для преодоления препятствий политиканского и бюрократического порядка. С ним в унисон действовал рецензент книги, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, доктор биологических наук М.М. Голлербах. Полянский несколько раз разговаривал с Микулинским, подтвердив ещё раз, что контролировал весь ход работы над книгой и полностью за нее отвечает. Ну, конечно, не все одинаково хорошо, кое-что следует исправить, но книга очень нужна, полезна и т.д. Микулинский заверил, что был и остается почтительным учеником Полянского и, конечно, речь идет не об исключении книги из плана, а лишь о доработке некоторых статей. Договорились, что все вопросы будут сняты во время нашего приезда в Москву на заседание редколлегии.

«Мы с Георгиевским поехали на это заседание. На нем присутствовали также Л.Я. Бляхер, Э.Н. Мирзоян и Л.В. Чеснова, но в основном шел мой диалог с Микулинским. Остальные молчали. В течение восьми часов я отвечал на его замечания и вопросы, с чем-то соглашаясь, на что-то возражая, что его явно раздражало, и он становился все более и более агрессивным. Присутствующие, кто с сочувствием, а кто с плохо скрываемым злорадством, притихли. Перелом наступил неожиданно. Микулинский как бы увидел себя со стороны. Шла речь о статье Е.Н. Панова по этологии. Она действительно получилась скорее теоретической, чем исторической. И Семен Романович говорит: «Ну как вы ее будете помещать здесь, она же теоретическая?» Я ответил: «Да, вы правы, но этология – репрессированная наука, поэтому поместить ее здесь – очень важно, тем более что в наше время возрождение этологии началось с работ самого Панова». Тогда Микулинский спросил строго: «А кто дал рецензию на эту статью?» В институте была отработана система: на каждую статью, выпускаемую по истории современной биологии, должен был давать отзыв ведущий специалист по

соответствующей отрасли знания. Их рецензии служили как бы щитом от нападок академиков, которые часто считали, что об их работах сказано мало, а о работах их конкурентов, напротив, очень много, а это, дескать, искажение научной истины, потеря объективности и т.д. А преамбула вышесказанного такова.

В 1975 г. вышла книга по истории биологии XX в. На общем собрании АН СССР один из академиков поднялся на трибуну и начал говорить, что вот хорошая книжка, но там ничего не сказано о его работах. Анатолий Петрович Александров сказал: «Надо комиссии разобраться, как это произошло?» За этим риторическим вопросом президента могли последовать серьезные оргвыводы. К счастью для института, критикуемая глава была на рецензии как раз в том институте, который возглавлял обиженный академик. Соответственно, Микулинский смог ответить: «Если ваш институт не посчитал нужным, чтобы о ваших работах рассказывали, как мы могли это исправить?»

На статью Е.Н. Панова у Колчинского была положительная рецензия от члена-корреспондента АН СССР этолога Л.В. Крушинского. В ней черным по белому было написано, какая это замечательная работа, и что он с нетерпением ждет ее скорейшего появления в печати. Микулинский ему звонит и спрашивает, стоит ли публиковать статью Панова в исторической книге. Крушинский отвечает: «Ни в коем случае!» – поясняя, что этот такой-сякой Панов выпустил книгу и ни разу на него не сослался. А перед Микулинским лежит великолепный отзыв, подписанный Крушинским.

В этот момент Микулинский почувствовал себя несколько неловко, осознав комичность ситуации, стал менее агрессивным в своих претензиях, и дальше мы с ним все уладили. Причем обсуждались уже сугубо научные проблемы» (Цит. по книге воспоминаний Э.И. Колчинского [5, с. 594]).

Одну статью о происхождении жизни все же решили послать на дополнительное рецензирование в институт, созданный А.И. Опариним, и, получив отрицательный отзыв, сняли. Она действительно была слабой в научном отношении, хотя авторы переделывали ее раза четыре.

Был момент, когда Микулинский предлагал вычеркнуть ссылки на работы Р.Л. Берг, но Колчинский возразил, что так нельзя, потому что Берг – крупный ученый, а за границу она выехала с разрешения властей, значит, просто эмигрант. Да, характер не мёд, но мы ничьи личные черты не обсуждаем. Он не стал настаивать. Ничего на этот раз не сказал и насчет Н.В. Тимофеева-Ресовского. В итоге портрет Тимофеева-Ресовского впервые был помещен в книгу, вышедшую в СССР. Книга прошла три или четыре корректуры. Всё время что-то вставлялось, что-то добавлялось, что-то исправлялось.

В конечном счете С.Р. Микулинский как директор института согласился взять на себя ответственность за выпуск книги и восстановил свою фамилию как титульного редактора.

В Ленинградском отделении издательства «Наука» сочувствовали прохождению книги с трудной судьбой, но просили принести книги, в которых написано о вреде августовской сессии ВАСХНИЛ. Такие книги приносили, но это были книги середины 1960-х гг. Тогда действительно было негласное указание ничего не писать о Т.Д. Лысенко и сессии ВАСХНИЛ.

Колчинский отмечает интересный эпизод, который произошел уже перед сдачей книги в печать после третьей или четвертой корректуры, когда она наконец-то была подписана в Горлите. «Неожиданно в середине декабря меня вызвал главный редактор издательства и сказал, что сложилась непростая ситуация. С одной стороны, если книга не выйдет в первых числах января 1984 г., план издательства на 1983 г. не будет выполнен и коллектив останется без премий, ведь книга 60 печатных листов, тираж 2 тысячи экземпляров. С другой стороны, он не может взять на себя ответственность за возможный политико-идеологический резонанс от книги и поэтому просит, чтобы я в течение десяти

дней представил положительную рецензию на нее ни от кого другого, как от вице-президента АН СССР Ю. А. Овчинникова. Сначала я онемел от неожиданности: вице-президент Овчинников и старший научный сотрудник Колчинский... Он, процветающий экспериментальный биолог, в том возрасте, когда об истории науки ученый обычно не задумывается! В условиях тогдашней Академии наук подобного разрешения можно было ждать годами, и то только в том случае, если кто-нибудь из академической бюрократии, приблизительно такого же ранга, как Овчинников, обратился бы к нему с подобной просьбой. Даже академики-секретари отделений, подведомственных Овчинникову, не всегда могли добиться от него приема в течение двух недель, которые оставались до конца года, а тем более получить разрешение на выход идеологически и политически «опасной» книги.

Понимая, что объяснить это главному редактору – значит фактически книгу похоронить, я прибегнул «ко лжи во спасение». Притворившись, что не вижу в просьбе ничего удивительного, я ответил, что, по моим сведениям, Овчинников сейчас, в конце года, очень занят и в ближайшие дни я не смогу с ним встретиться для получения разрешения на публикацию книги. На самом деле я никогда бы не смог встретиться с ним по этому вопросу. В качестве выхода я предложил дать книгу на рецензию директору Зоологического института АН СССР члену-корреспонденту О. А. Скарлато. Главный редактор стал размышлять вслух: «Скарлато, директор академического института, номенклатура ЦК КПСС, в крайнем случае это может быть достаточным для прикрытия». Скарлато дал короткую, но доброжелательную и однозначно положительную рецензию. И книга вышла, став значительным научным событием в последние предперестроечные годы. Вопреки всем опасениям в партийно-идеологических кругах на нее никто не обратил внимания. Там все были озабочены совсем другими проблемами, возникшими в условиях постоянных похорон и смен генеральных секретарей ЦК КПСС – по народному выражению, «гоним на катафалках» [5, с. 596].

На книгу вышло несколько положительных рецензий у нас в стране и за рубежом, и до сих пор ее часто цитируют. Я полагаю, что она является редким удачным примером коллективной монографии на историческую тему, где с единых позиций освещена история всех главных проблем эволюционной теории. Благодаря этой книге биологическое сообщество в какой-то степени признало меня своим, и в дальнейшем мне проще стало реализовывать с биологами различные проекты» [там же].

Выводы. Э.И. Колчинскому был присущ редкий дар драматизировать повседневную жизнь научного сообщества, и это привлекает внимание к его книге воспоминаний. Многие научные труды быстро блёкнут, превращаются в пожелтые листья, хотя и удобряют почву науки и составляют концентрированный компост науки – научный архив. Его же непреднамеренное витийство в мемуарах воскрешает живые картины жизни учёного сообщества с далеко не всегда лучшими и достойными страстями, совершаемыми тоже ради и во имя науки.

REFERENCES

1. *Brai, Stephen* (2014). Eduard I. Kolchinskii. Так вспоминается. . . [So I Remember. . .]. 572 pp. St. Petersburg: Nestor-History, URL: http://ihst.nw.ru/Files/News/202_/2021/Kolchinsky/Literature/brain2016.pdf

2. *Fando, R. A.* (2020). Pamjati Jeduarda Izrailevicha Kolchinskogo (16. XI. 1944–24. I. 2020) [In memory of Eduard Izrailevich Kolchinsky (16. XI. 1944–24. I. 2020)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki*. No. 3. Pp. 648–654 (in Russian).
3. *Kolchinskij, Je. I.* (1990). Jevoljucija biosfery. Istoriko-kriticheskie ocherki issledovanij v SSSR [Evolution of the biosphere. Historical and critical essays on research in the USSR]. L.: Nauka. 236 p. (in Russian).
4. *Kolchinskij, Je. I.* (2013). Kirill Mihajlovich Zavadskij. 1910–1977 [Kirill Mikhailovich Zavadsky. 1910–1977] / otv. red. K. V. Manojlenko. SPb.: Nestor-Istorija, 320 p. (Nauchno-biograficheskaja serija) (in Russian).
5. *Kolchinskij, Je. I.* (2014). Tak vspominaetsja... [So, I remember]. SPb.: Nestor-Istorija. Pp. 294–296 (in Russian).
6. *Razvitie jevoljucionnoj teorii v SSSR* [Development of evolutionary theory in the USSR] (1983). L.: Nauka. 613 p. (in Russian).
7. *Zavadskij, K. M., Kolchinskij, Je. I.* (1977). Jevoljucija jevoljucii. Istoriko-kriticheskie ocherki problem [The evolution of evolution. Historical and critical essays on the problem] L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 236 p. (in Russian).

Received 09.12.2022

Received in revised form 10.02.2022

Accepted 18.02.2022

DOI: 10.15421/272210

UDC 005.936.3:629.366 (477.54) (09)

N. V. Pysarska

National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute», Kharkiv city, Ukraine

HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE PRODUCTION ASSOCIATION «KHARKIV TRACTOR PLANT NAMED AFTER S. ORDZHONIKIDZE » AND RELATED ENTERPRISES

E-mail: Npisarskaa@gmail.com

ORCID: 0000–0001–6911–7600

Abstract. The issue of the Kharkiv region tractor manufacturing industry enterprises functioning in the conditions of creation of production associations is considered. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the advantages and disadvantages of the enterprises' production associations that manufactured tractors and their parts in the Kharkiv region. The number of materials of the study has been analyzed; the bulk of such materials from the State Archives of the Kharkiv region. The activity of Kharkiv Tractor and Lozova Forging and Mechanical Plants, as well as other enterprises of the tractor manufacturing industry of Kharkiv Region, has been considered in detail. The research focuses on the quality of products manufactured by enterprises, the reasons for the productivity gap here and there are indicated. The issue of combating rejection at the Kharkiv region tractor manufacturing industry has been covered. Attention was drawn to the gradual growth of product quality. It was pointed that the tractor's industry has not always been rhythmic, as the related companies had not done always provided quality parts and had not done it on time. It was determined that the main model of the tractor manufactured by the Kharkiv Tractor Plant for a long time remained as the T-150 tractor and its modifications, that it was primarily related to the slowdown in the manufacturing of new, more advanced models of tractors.

Keywords: production association, tractor, Kharkiv Tractor Plant, production.